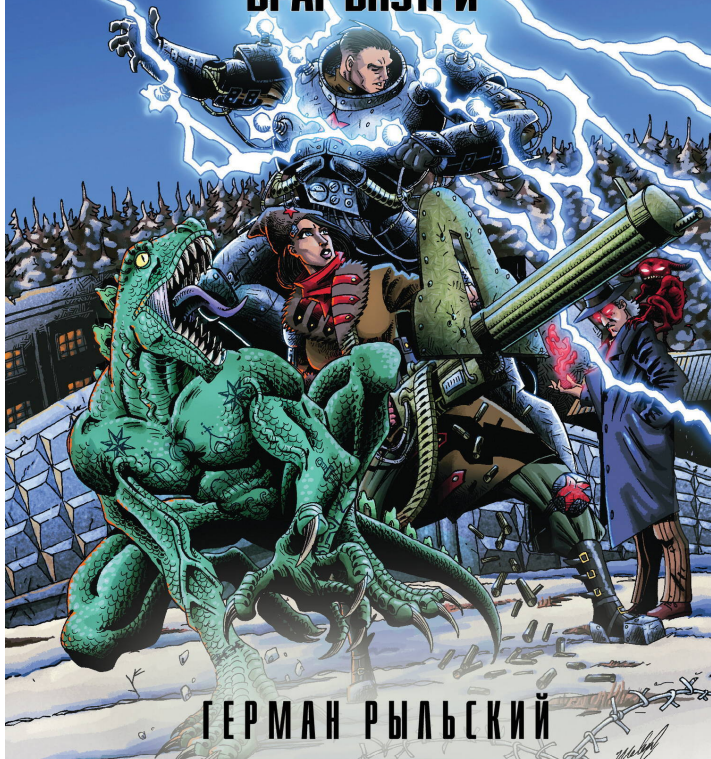


ОТРЯД КРАСНОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

ВРАГ ВНУТРИ



ГЕРМАН РЫЛЬСКИЙ

ВИНА ЗА ПРОШЛОЕ • СИЛА НАСТОЯЩЕГО • ЦЕНА БУДУЩЕГО

Герман Витальевич Рыльский
Отряд «Красное
возмездие». Враг внутри
Серия «Вселенная Красного
возмездия», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74631151
 ISBN 978-5-04-256399-7

Аннотация

Что, если бы СССР создал своих суперсолдат ещё до войны?
СССР, 1937. Паровые роботы, дирижабли, безумные учёные.
И одна девушка, которая говорит с пулемётом.

Анна Фурманова не хотела становиться оружием. Она была просто спортсменкой, ведущей двойную жизнь. Но когда её поймали на ночной охоте за преступниками, выбор был прост: тюрьма или эксперимент.

Григорий Дубинин – бывший боец ВДВ – тоже не искал славы. Он просто не хотел оставаться инвалидом. И согласился на операцию, которая подарила ему силу электрического шторма.

Вместе с двумя другими «отбросами» (заклѣнным, получившим силу Ящера, и учёным, увидевшим настоящий Ад)

они – последняя надежда Союза против отряда неуязвимых убийц-психопатов с Запада.

Враги «Красного возмездия» – огненный мститель, телепат и оборотень. Их союзник – Никола Тесла. Но враг не дремлет – спецотряд «Рыцари Смерти» похищает главную разработку института. Теперь у команды есть один шанс: перестать враждовать, выжить в схватке с оборотнем и телепатом, спасти Николу Теслу и... успеть сыграть свадьбу под вражеским огнём.

И да, они справятся. Но только если научатся работать в команде.

Содержание

Совершенно секретно	6
Приложение 1: Памятка для рекрутов	7
Приложение 2: Список композиций	8
Часть первая. Вербовка	10
1	11
2	32
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Герман Рыльский Отряд «Красное возмездие». Враг внутри

Иллюстрация на переплете *Романа Шевердина*

© Рыльский Г. В., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Совершенно секретно

Материалы из дела № ВКС-00 «Вселенная Красного
Стимпанка»

Объект: Звуковое сопровождение спецопераций отряда
«Красное возмездие»

Приложение 1:

Памятка для рекрутов

Настоящий плейлист составлен для полного погружения в атмосферу Вселенной Красного Стимпанка. Использовать перед прочтением (а также во время чтения и после него) романа «Отряд Красное Возмездие».

Каждая композиция плейлиста – это отдельный фрагмент мира, в котором живут герои книги. А ещё это просто любимые песни Анки-пулемётчицы, Багрового Штурма и других бойцов отряда «Красное возмездие».

В плейлист вошли треки группы MAMA RUSSIA, из альбомов «Опасные механизмы», «Секретные архивы НКВД», «ДК имени Ленина», «Любовь, комсомол и роботы», «Русские медведи». И даже из пластинки, которая на момент составления этого списка только готовилась к выходу, – «Железные орудия».

Порядок воспроизведения песен – на усмотрение слушателя/читателя. За побочные эффекты в виде желания безотлагательно перечитать книгу создатели Вселенной ответственности не несут.

Приложение 2: Список композиций

Intro

Анка-пулемётчица

Russian Revolution

Железный Феликс

Марш стальной пехоты

Механический вождь

Дядя Стёпа

Бесы

Никола Тесла

Допрос

Дирижабль «Заветы Ильича»

Русский терминатор

Мойдодыр

Пионерская зорька

Советский робот

Шагающая крепость

Механический медведь

Аврора

Советский шагоход

Песня Ильичу

Киборги-медведи

Похититель технологий

Эдисон и Тесла

Дом культуры имени Ленина
Тесла-воин
Бронепоезд
Боевая песня
Боевой вылет дирижаблей



Часть первая. Вербовка

...Лишь ночами долгими ей никак не спится,
Голос механический манит и зовёт.
От боекомплекта ноет поясница,
И застыл горгульей Анин пулемёт.
Чернотой налитый, как дурною кровью,
Смотрит круглым глазом, вылупил зрачок.
Так любовник тянет пальцы к изголовью,
Так терзает нервы дьявольский смычок.
Душное безумье накрывает Анку,
Микрочип как уголь голову печёт.
Вывернет девичью душу наизнанку
Боевой товарищ, Анин пулемёт...

*Рупор Пролетариата. Анка-пулемётчица
10 октября 1937 года*

Складывать хлопушку из бумаги Григория научил старший брат. В сильных, покрытых мозолями руках десантника двойной листик в клеточку выглядел странно маленьким, как будто его выдрали из карманной записной книжки, а не из тетради по математике. Виталий ловко сложил лист и провёл по сгибу заскорузлым ногтем большого пальца.

– Запоминай схему, в школе пригодится, – произнёс юноша, бросая на младшего брата наигранно-строгий взгляд. – Два раза показывать не буду!

Гриша кивнул, заинтригованный. Вообще-то, он спросил у Виталия про парашюты, но тот, по своему обыкновению, решил начать издалека.

Григорий Дубинин, ученик седьмого класса одной из средних школ города Москвы, бредил самолётами, дирижаблями и, само собой, прыжками с парашютом. Он мечтал стать бойцом ВДВ, как старший брат. Ему было интересно всё – как проходит служба, как десантники тренируются, как отдыхают и что, к примеру, едят на завтрак. Чаще всего Виталий говорил как есть, иногда рассказывал какую-нибудь интересную историю, а бывало, что и отмалчивался: «Болтун – находка для шпиона! Пойдёшь в армию, сам узнаешь!» Сегодня Гриша спросил, как это, когда над головой раскрывается купол, сшитый из перкали и усиленный капроновыми

лентами. Виталий неспешно затянулся «Беломорканалом», отхлебнул из кружки чёрный чай и попросил Гришу принести школьную тетрадь. Точнее, не попросил, а отдал приказ, как младшему по званию. Поскольку Виталий не уточнил, какой предмет его интересует, Гриша принёс тетрадь по математике. В той, что по русскому, красовалась спорная оценка $5/2$, полученная за сочинение на тему «Кем я хочу стать, когда вырасту». Пять за содержание, два за грамотность.

Братья Дубинины рано лишились отца – его медаль «За храбрость», полученная вдовой, хранилась в серванте, в металлической банке из-под индийского чая. Иногда, по настроению, Виталий брал на себя роль отца и мог, например, проверить у младшего брата домашнее задание или дневник. Впрочем, сейчас был не тот случай – непроверенная и похудевшая на два листа тетрадь лежала в сторонке, на клеёнчатой скатерти.

– И что это? – спросил Гриша, когда Виталий продемонстрировал ему результат своей работы – плотный треугольник в клеточку. Это был не самолёт, не корабль и не пароход с двумя трубами – всё, что умел складывать из бумаги младший из двух братьев Дубининых.

– Ты спрашивал, как это, когда над головой раскрывается парашют, – Виталий сохранял серьёзное выражение лица, но его глаза, ярко-синие, как у отца, смеялись, а папироса, словно прилипшая к нижней губе, ходила вниз-вверх, помигивая оранжевым.

– Ну да. А при чём здесь эта штука?

– Встань ровно, – Виталий поднял бумажный треугольник, так, словно это был метательный нож. А потом резко опустил его. Сопротивление воздуха что-то сделало с вырванным из тетради и хитро сложенным листом бумаги. Треугольник раскрылся прямо над ухом Гриши, издав громкий хлопок. От неожиданности парнишка вздрогнул, но не так чтобы сильно. Будущему бойцу ВДВ не пристало пугаться и подпрыгивать, как девчонка.

– Громко? – усмехнулся Виталий, протягивая хлопушку младшему брату.

– Ага!

– А когда раскрывается парашют, это в сотню раз громче. Как будто сам бог хлопнул в ладоши у тебя над головой.

– Бога нет, – сказал Григорий, вертя в руках хлопушку. – Тебе это любой пионер скажет.

Виталий одобрительно хмыкнул и опустился на табуретку. Щёлкнув пальцем по дну картонной коробки, он извлёк оттуда очередную папиросу.

– А можно мне? – спросил Гриша, убирая хлопушку в карман. Он, конечно, пробовал курить, прячась с одноклассниками за котельной, на заднем дворе школы. Но одно дело – затягиваться горьковатым, щекочущим горло дымом тайком, и совсем другое – с разрешения старшего брата.

– Папиросу? – Виталий вскинул бровь. – Ещё чего! Ты же пионер!

Григорий почти решился процитировать хулиганскую песенку, популярную у школьников: «Володеньку Ульянова никто не видел пьяного, а Павлика Морозова с дымящей папиросою. И какой отсюда вывод – нам предельно ясно. Будь умнее, пионер, не пались напрасно!» Но в итоге не стал испытывать терпение старшего брата. Кадетский корпус, военное училище и служба в десантных войсках изменили его, сделав собранным и серьёзным. Возможно, даже чересчур. Во всяком случае, понимать анекдоты и простые школьные шуточки он разучился.

Хотя советская наука осуждала мракобесие, некоторые люди (особенно из тех, что постарше) продолжали верить во всякую чушь. В том числе в предчувствия и знамения. Чего далеко ходить – женщина, родившая на свет Виталия и Гришу, говорила, что за день до того, как почтальон принёс похоронку, ей приснился муж в белой рубахе до пола.

«Глаза у него были как стеклянные пузырьки с чернилами, – рассказывала мать, бледнея. – Он сказал, нам можно говорить, но нельзя встречаться взглядом, потому что он уже не здесь».

Григорий ничего не почувствовал, когда говорил с братом о парашютах и папиросах. Побывка закончилась, и Виталий Дубинин вернулся на фронт. Ему самому и двум десяткам его сослуживцев предстояло десантироваться из дирижабля, когда в баллон попал вражеский снаряд. Поступая на службу, Дубинин-старший подписал согласие, что в случае ранения,

несовместимого с жизнью, передаёт свой мозг НИИ «Железный Феликс». Виталий не умер, но и не был жив в привычном смысле этого слова. Его мозг плавал в стальной колбе, а колба была помещена в механическое тело исполинского роста. Он или сражался, или находился в наркотическом полусне, созерцая фильмы и агитационные кинохроники, которые транслировались прямо на глазной нерв. Так выглядела служба в легендарном батальоне имени Дзержинского. Сказать по правде, не так романтично, как об этом пелось в песнях по радио. Григорий гордился братом, ценил его жертву, принесённую Родине, и задавался лишь одним вопросом: помнил ли тот ощущение хлопка божественных ладоней над головой?..

Григорий Дубинин – бывший школьник, бывший кадет, а теперь и бывший десантник двадцати пяти лет – размышлял об этом, сидя на стуле у окна. Его костыли стояли тут же, прислонённые к широкому, покрашенному синей краской подоконнику. Двойная рама была приоткрыта, и молодой человек старался выдыхать дым наружу, после каждой затяжки помахивая свёрнутой газетой. Курить в стенах госпиталя строго запрещалось, но когда и кого это останавливало?

Палата, где Григорий провёл три последних месяца, располагалась на третьем этаже. Внизу, по унылому больничному двору, медленно прогуливались пациенты – по большей части военные, которые угодили сюда после ранений разной

степени тяжести. Кто-то ковылял на ходунках, кто-то просто сидел на лавочке, набросив на серую больничную пижаму пальто или солдатскую камуфляжную куртку. Осень вступала в свои права, и каждый новый день был прохладней предыдущего.

Дверь открылась, и в палате возникла тётя Поля. Всплеснув руками, она поспешила к нарушителю, который уже успел избавиться от окурка, неуловимым жестом фокусника выкинув его в окно.

– Дубинин, ты что же здесь такое устроил?! – санитарка с грозным видом шаркала по вытертому линолеуму, прямиком к набедокурившему пациенту. Тёте Поле было под семьдесят, но возраст (равно как и маленький рост) не мешал ей оставаться грозой отделения. – Тут у нас лежачие, разве не понятно?! А если кому из них от дыма поплохее? Кто тогда отвечать станет?! Пушкин?!

– Да я всего разок затянулся, – пробормотал Григорий. Он бы мог сказать, что лично делился с половиной этих лежащих папиросами, а после помогал замести следы «преступления». А сослуживцу Кирюхе, который лежал, закованный в гипс от пальцев ног и до шеи, подносил раскуренный «Беломорканал» прямо ко рту.

– Я свидетель, он всего разок... ну, может, пару раз, – слышалось с койки, оборудованной противовесами и растяжками. Это подал голос Кирюха, несмотря на четырнадцать переломов, не терявший чувства юмора.

– Сплошные свидетели, мать вашу, – тётя Поля рывком распахнула окно, так что стёкла в деревянных рамах задрезжали, схватила с подоконника газету и принялась махать ею, выгоняя наружу едкий дым. – Ты-то уже ходишь, вот и топай курить на улицу!

Тётя Поля была права. Григорию ничего не мешало спуститься на первый этаж, выйти во двор и там покурить – благо в здании военного госпиталя, где его ногу буквально собирали по кусочкам, имелся паровой лифт. Но всё, на что сейчас хватало Григория, – сидеть на табурете у окна. Это, впрочем, был прогресс – вчера он весь день неподвижно пролежал на койке, глядя в белый потолок. Незадолго до этого доктор Мамуч оглы, который оперировал Григория, наконец перестал ходить вокруг да около и прямо сказал, что о ВДВ его пациенту можно забыть.

– Гриша, ну ты серьёзно? – Ахмед Мамуч оглы буквально год или два как окончил мед и ещё не успел обзавестись «панцирем», свойственным докторам постарше. Сообщая пациенту неприятные новости, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. – Какие прыжки с парашютом? Ты едва восстановился. А нам, между прочим, предстоит вытаскивать пластины из твоей ноги. Это ещё одна нешуточная операция и ещё один период восстановления. Нога не будет такой, как прежде. Прими это уже.

– И чем я должен заняться? – спросил Григорий, прекрасно понимая, что глупо обращать этот вопрос к хирургу, ко-

торый и так сделал всё возможное, спасая его ногу. – Идти в школу работать учителем ОБЖ?

– А что, тоже полезная профессия, – пожал плечами доктор. – Кто ещё справится с этим лучше, чем бывший вэдэвэшник?

И вот это самое «бывший вэдэвэшник» оказалось соломинкой, сломавшей хребет верблюду. После разговора с хирургом Григорий ощущал странную пустоту в груди. Казалось, напротив сердца повисла липкая, холодная пиявка, которая уже второй день сосала из него нечто менее осязаемое, чем кровь, но столь же важное. Григорий чувствовал – когда эта тварь закончит пировать, от него останется лишь искалеченная, ни на что не годная оболочка.

Металлических пластин в правой ноге Григория хватило бы, чтобы изготовить приличный набор шампуров для шашлыка – доктор Мамуч оглы шутил, что так они и поступят, когда всё это закончится. Кто-то другой на месте Григория со страхом и тревогой думал бы о повторной операции, но его беспокоило то, что будет после. Малоприятная перспектива в двадцать пять лет пополнить ряды ветеранов, неспособных к военной службе. Со школьной скамьи он ясно видел своё будущее, а теперь впереди маячил только лишь серый туман неопределённости. И вот это было действительно страшно. Впрочем, оставалась Нина. Мысль о ней заставила-таки Григория подняться с табурета и взять костыли.

– Вот-вот, – напутствовала его санитарка. – Шагай на ули-

цу!

Потолки в госпитале были высокими, а коридоры гулкими. Тесла-фонари – толстостенные стеклянные колбы, в которых горели яркие вольфрамовые нити, – освещали помещения тёплым, слегка янтарным светом. Они же издавали низкое басовитое гудение, почти неслышимое днём. Сейчас, за полтора часа до обеда, в коридоре царило оживление – хлопали двери палат, мелькали белые халаты медсестёр, брели куда-то пациенты, способные передвигаться самостоятельно. Молодая санитарка в красном платке, повязанном на комсомольский манер, катила гроыхающую тележку с больничными суднами. Наступило время посещения, и, шагая к лифту, Григорий то и дело встречал мужчин и женщин в застиранных больничных халатах, надетых поверх гражданского. Большинство несли сетчатые авоськи с кефиром, фруктами и прочими разрешёнными гостинцами. Ближе к лифту Григорий заметил заплаканную молодую женщину. Она держала за руку мальчика лет шести, а тот сжимал в кулачке несколько оранжевых бархатцев, явно сорванных на каком-то газоне.

– А доктора сделают папе механическую руку? – спросил мальчишка, запрокидывая голову и устремляя на мать испытующий взгляд.

– Конечно, сделают, – ответила та.

– А она будет сильнее настоящей?

Мать и сын зашли в палату, и Григорий не услышал про-

должения разговора. Но не сомневался, что парнишка получил утвердительный ответ. Не факт, что правдивый, но утвердительный. Григорий Дубинин – гора крепких мускулов, зятая в больничную пижаму и поставленная на костыли, – двинулся дальше.

– Свинья ты эгоистичная, Гриша, – проворчал он, когда из-за двери послышался приглушённый створкой радостный вопль «Папка!». Укол стыда оказался внезапно сильным.

Кому-то здесь досталось сильнее, чем ему. Чёрт, да здесь многим досталось в разы сильнее! Кто-то оставил на фронте конечности, кого-то парализовало, а кого-то контузило так, что мозги превратились в подобие яблочного пюре. И, если по-честному, надеяться на киберимпланты мог разве что наивный шестилетний пацан. Дело даже не в том, что в московском военном госпитале номер четыре не имелось отделения кибертрансплантологии. Каждый успешный случай создания киборга становился очередной победой советской науки... и поводом неделю трезвонить об этом во всех газетах, как трезвонили о том участковом, который был ранен, пережил клиническую смерть и стараниями хирургов превратился в пугающий гибрид человека и машины. Теперь дядя Стёпа-милиционер, как прозвали его газеты, считался гордостью НКВД и регулярно мелькал по телевизору.

Поставить создание киборгов на поток удалось только НИИ «Железный Феликс». Но они брали от человека лишь мозг, а тело (врачи тактично называли это «биологическими

отходами») отправлялось в печь. Григорий не понимал, почему дать человеку механическое тело проще, чем, например, железную руку или ногу. Но, с другой стороны, вопросами киборгостроения занимались лучшие советские академики, которые наверняка могли часами рассуждать о слиянии живого организма с машиной. А бывший вэдэвэшник Дубинин по биологии в школе не получал ничего выше тройка...

– Чего ты там бормочешь?

Григорий оглянулся и увидел Ивана Беляева. Танкист, раненный в боях за Аляску, он уверенно шёл на поправку и вскоре должен был покинуть госпиталь.

– Да так, мысли вслух, – отозвался Григорий, – размышлял о кибертрансплантот... тат... тьфу, язык сломаешь!

– Кибертрансплантологии, – подсказал Беляев.

Тем, кого военкомат определил в танковые войска, приходилось много времени проводить в чреве тесной машины. Поэтому туда отбирали ловких и проворных бойцов ростом не выше ста семидесяти сантиметров. Но, похоже, язык у Беляева был ещё проворней, чем его хозяин, – по крайней мере, в столовой этот славный защитник Аляски не замолкал ни на секунду. Он щедро потчевал соседей по столу анекдотами, байками и просто новостями, почерпнутыми из радио и газет. Григорий не мог понять, когда Беляев успевал закидывать в себя больничную еду, при таком-то помеле вместо языка, и в глубине души радовался, что лежит в относитель-

но тихой палате.

– На прогулку?

– На двор, подымить.

– Ага, ну, я тоже, – Беляев слегка замедлил шаг, подстраиваясь под темп Григория. – Что, железную ногу захотел?

– Было бы неплохо.

– Да тебе ж вроде собственную подлатали, или как?

Григорий лишь поморщился. Он предпочёл бы покурить в одиночестве, но Беляев имел привычку прилипнуть к собеседнику, как банный лист к заднице.

До лифта оставалось несколько шагов, когда из шахты донеслось шипение горячего пара, приводившего в движение подъёмный механизм, и стальные двери разъехались. Из кабины появилась пустая каталка, которую толкали двое санитаров, следом потянулись пациенты. Дубинин и Беляев пропустили тех, кто возвращался в палаты с прогулки или после процедур, и сами зашли в кабину. В углу притулился робот-лифтёр, похожий на медную тумбу с круглой головой, на которой красовалась фуражка. Робот не имел ни рук, ни ног и, по сути, являлся частью лифта.

– Любезный, на первый этаж, пожалуйста, – сказал Беляев.

– Первый этаж, – донеслось изо «рта» робота – хрипловатого динамика, закрытого точно такой же, горчичного цвета, тканью, что закрывала динамики в радиоприёмниках. – Будьте осторожны, двери лифта закрываются.

– Ты со всеми роботами так расшаркиваешься? – любопытствовал Григорий, когда створки с лязгом захлопнулись и кабина медленно поползла вниз.

– Ну, доброе слово и кошке приятно, – усмехнулся Беляев. – А тут хоть искусственный, но всё же интеллект!

Григорий подозревал, что интеллекта в лифтёре со спичечную головку. То ли дело роботы, которые использовались на заводах, на стройках или тем более на фронте!

– Один мой школьный приятель работает в «Пролетарском транспорте», – доверительным тоном сообщил Беляев. При этом он слегка понизил голос и наклонился к собеседнику так, словно медный лифтёр мог их подслушать. – Это НИИ, который проектирует роботов. Может, слышал?

Григорий отрицательно покачал головой. В Москве работали десятки, если не сотни НИИ, и каждый что-то там проектировал. Большинство этих учреждений, само собой, являлись совершенно засекреченными.

– Так вот, этот мой товарищ работает в «Транспорте» ведущим инженером. И знаешь, что он говорит по этому поводу?

Григорий лишь пожал плечами.

– Что наши учёные сами не понимают, что такое искусственный интеллект, откуда он взялся и как работает.

– Это как так? – Григорий удивлённо посмотрел на Беляева.

– А вот так! Ты же помнишь, как это началось? Как ма-

шины начали проявлять признаки разума?

– Это давно было, я ещё в школе учился. В «Юном технике» писали, что микросхемы стали достаточно сложными и в них зародилась эта, как её... искра разума.

– Ага, и что это процесс, аналогичный эволюции человеческого мозга, – закивал Беляев. – Вот только это ничего не объясняет!

– По-моему, прекрасно объясняет, – возразил Григорий.

– А вот и нет! Штука в том, что учёные не могут толком объяснить, что такое искусственный интеллект. Кто-то говорит, электронный мозг не отличается от нашего, потому что и там и там всё держится на электрических импульсах. Другие считают, что машины каким-то загадочным, непонятным науке образом научились имитировать разумное поведение. Ведь микросхемы – это всего лишь куча транзисторов и проводов!

– Ну и что? А мозг – это всего лишь шматок нервных клеток.

– Да, но мозг – это всё-таки мозг, – Беляев соорудил многозначительную мину. – А микросхему, способную вместить ИИ, может спаять любой школьник на уроке труда. Короче, история непонятная и запутанная. Тёмная, я бы сказал... Знаешь, тот мой товарищ рассказывал, как они в «Транспортире» целый год проектировали банного робота. Ну, типа Мойдодыра на основе ИИ. А в итоге опытный образец решил, что кипятить воду для бани ему неинтересно и что ему

нужно на фронт, воевать. И, никого не спросив, отправился в военкомат, записываться добровольцем. Представляю выражение лица военкома, когда к нему завалился самоходный умывальник!

– Да читал я об этом, – отмахнулся Григорий. – В «Крокодиле» недавно писали. Мол, даже умывальник записался в добровольцы, пока некоторые просиживают штаны в тылу.

– Ну а что, правильно написали, – пожал плечами Беляев. – У меня вот бронь была, как у работника оборонного завода. Но я всё равно добровольцем пошёл.

Кабина дёрнулась, двери лифта с шипением распахнулись, и робот пробубнил: «Первый этаж». Дубинин и Беляев миновали выложенный мраморной плиткой и украшенный бюстом Ленина вестибюль, оставили позади регистратуру, возле которой толпились посетители, и вышли во двор.

Над городом висел густой смог, в осеннем воздухе чувствовался запах дыма. Москва – неустанно быющее сердце огромной страны – ошетижилась тысячами кирпичных труб, из которых валил густой чёрный дым. Здесь всё работало на силе пара – метро, станки фабрик и заводов, автомобили, дирижабли и пароходы. Бессчётное количество стальных печей пожирали тонны угля, котельные день и ночь коптили небо, и машины давали тепло, электричество, крутили колёса и шестерни.

– Вон, смотри, там свободная лавочка, – сказал Беляев. – Давай сядем, пока никто не занял.

Приятели двинулись по усыпанной жёлтыми листьями дорожке, мимо клумб с привядшими цветами и алебастровой девушки с веслом. Изначально белая, статуя слегка потемнела от сажи, которая годами сыпалась на город, въедаясь в кирпич и камень, покрывая жирной плёнкой металл и стекло. По мнению Григория – невеликая плата за технический прогресс.

Когда он задумывался, чего советский народ добился за годы, минувшие со дня революции, в груди у него поднималось странное волнение. Мальчишкой он с таким же трепетом смотрел на первые эскадры дирижаблей «Заветы Ильича», плывущие над Красной площадью. Буквально за несколько лет советская наука сумела покорить силу раскалённого пара, что позволило создать просто-таки невероятные машины. Юная республика поднялась из тьмы мракобесия и убожества. В грохоте механизмов и дыму заводских труб зародилось новое сильное государство. Так об этом говорили по радио, так писали в газетах. Вдохновляющие кадры об этом показывали по телевизору и в киножурналах, что крутили перед основным сеансом в кино. К сожалению, проклятые капиталисты тоже не дремали, разрабатывая свои машины и запуская в небо свои дирижабли. Но говорить и писать о достижениях иностранной науки у нас было как-то не принято...

Танкист и десантник опустили на лавочку. Григорий поставил рядом костыли и, слегка поморщившись, вытянул ра-

неную ногу.

– Как вообще выздоровление? Двигается? – поинтересовался Беляев, раскуривая папиросу.

– Так... движется потихоньку.

– А чего такой кислый?

Говорить об этом не хотелось, от слова «совсем». Однако Григорий выдохнул облачко дыма и ровным голосом произнёс:

– Вчера доктор посоветовал мне забыть о прыжках с парашютом. Одним словом, прощай ВДВ.

– Хреново... – Беляев, явно не ожидавший, что беседа вывернет в такое русло, поёрзал на лавочке. – Слушай, ну а другие войска?

– Я об этом не думал ещё.

– В танкисты тебя не возьмут, ты слишком здоровый, в люк не протиснешься. А вот в артиллерию или пехоту – с руками и... – Беляев осёкся и, смущённо кашлянув, закончил: – Я хотел сказать, с твоим боевым опытом тебя куда угодно возьмут.

Некоторое время приятели молчали. Григорий, никогда прежде не видевший, чтобы Беляев сидел с закрытым ртом дольше трёх секунд, отдал должное его усилиям. Налетевший порыв ветра взметнул пожухлые листья и протащил мимо обронённую кем-то газету. «Новая советская боевая машина «Механический вождь». Буржуи в ужасе!» – успел прочитать Григорий заголовок передовицы.

– Да и мало ли, что там говорят доктора, – сказал Беляев, нарушив-таки тишину. – Сейчас физиотерапия чудеса творит. Говорят, машины скоро мёртвых на ноги поднимать начнут.

– Ага, щас.

– Я слышал, скоро Ильича воскресить собираются. При помощи молнии. Сам Никола Тесла над этим работает!

Григорий фыркнул.

– Зря смеёшься! Ты думаешь, почему Ленина в Мавзолее держат?

– Чтобы увековечить память о вожде мирового пролетариата.

– Ага, как же! Ждут, когда Тесла закончит свои машины изобретать. А потом как жახнет молнией! И наш великий Ленин, – голос Беляева слегка дрогнул от нахлынувших эмоций, – опять вернётся к нам!

На втором этаже госпиталя действительно находилось отделение физиотерапии. Аппараты, которые там стояли, были созданы по чертежам Николы Теслы, уже несколько лет как советского гражданина. Они лечили пациентов электрическим током и магнитными полями. Многим после курса таких процедур действительно становилось лучше. Но Григорий не сомневался, что слухи про воскрешение Ленина так и останутся слухами. Просто советским людям очень хотелось в это верить.

– Мне физиотерапия противопоказана, – мрачным тоном

произнёс Григорий.

– Это ещё почему? – удивился Беляев.

– У меня в ноге железные пластины. Пока их не уберут, никакого электричества и магнитов.

– Ну а когда...

В конце дорожки возникла знакомая долговязая фигура, и Григорий поднял руку, жестом обрывая болтливую танкиста. Вообще-то он рассчитывал на визит Нины, но из-за девушки с веслом возник её младший брат, Юрка. Студент-физик, он был тощим, сутулым и носил очки с толстыми линзами. При каждой встрече Григорий обещал, что однажды сделает из него человека, но пока дальше совместного похода в магазин «Спорттовары» и покупки гантелей дело не пошло.

Юрка подошёл ближе и остановился в двух шагах от лавочки. Вид у него был растерянный.

– Здоров! – произнёс Григорий.

– Привет...

– Ты что, один? А Нина где?

Вообще-то Юрка лишь однажды пришёл поведать Григория, и то скорее из вежливости. Нина поначалу появлялась каждый день, приносила еду и проводила у койки жениха по несколько часов. Потом они стали видаться реже. Складывалось ощущение, что её утомляет пребывание в госпитале, а конца-края всему этому видно не было. Нина ссылалась на общественную деятельность – в прошлом школьная староста и активистка, теперь она продвигалась по комсомольской

линии. Григорий хотел верить, что причина действительно в её занятости.

– Нина, – Юрка покосился на Беляева, – она приехала. Но потом сказала, что не сможет зайти. Попросила меня.

– Чего? – нахмурился Григорий.

Студент снова бросил короткий взгляд на Беляева и, переминаясь с ноги на ногу, произнёс:

– Гриша, понимаешь, тут такое дело...

– Чего ты мямлишь?! – в груди у Григория что-то болезненно сжалось. Он не верил в шестое чувство, но в тот момент, когда из-за алебастровой скульптуры возник брат Нины, уже знал, чем закончится этот разговор. – Говори!

– Нина уезжает, – выдохнул Юрка.

– Куда?

– В Ялту. Её послали на студенческую конференцию по научному атеизму.

– И что? – Григорий невольно удивился спокойствию, которое прозвучало в его голосе. – Она всё время ездит на какие-то конференции.

– Её берут на работу в ЦК комсомола. Эта конференция – шанс, которого она ждала... понимаешь, руководство возлагает на Нину большие надежды и...

– И?

– Она больше не придёт, – произнёс человек, которого Григорий уже привык считать своим шурином.

Повисла пауза. Только и было слышно, как ёрзает на од-

ном месте Беляев. Казалось, он задался целью отполировать сидалищем треклятую лавочку.

– Я говорил ей, что это неправильно, – казалось, Юрка выдавливает из себя каждое слово. – Ей следовало самой поговорить с тобой, но мне кажется, она...

– Струсила, – подытожил Григорий.

– Ну... да.

Возникла ещё одна неловкая пауза.

– Юра, ты иди, – бесцветным, но по-прежнему спокойным голосом произнёс Григорий. – Я всё понял.

– Нине что-нибудь передать?

«Передай ей, пусть катится к чёрту», – вот что хотелось сказать Григорию. Однако он сумел сдержаться и лишь покачал головой.

– Тогда я пойду. Гриш, ты это... выздоравливай. Я на днях загляну, может, в шахматы сыграем, как раньше...

Брат Нины скрылся за алебастровой фигурой. Вид у него был как у солдата, бегущего с поля боя. Беляев уже набрал воздуха в грудь, но так ничего и не сказал – взгляд Григория заставил его сдуться. Бывший десантник взял костыли, тяжело поднялся с лавочки и побрёл в сторону больничного корпуса. Труба котельной, расположенной на территории госпиталя, выплюнула в небо очередной траурный шлейф. Снизу он выглядел как росчерк угля на серой штукатурке. На головы больным и медперсоналу посыпалась чёрная сажа, такая мелкая, что её почти не было видно.

Обычно парное постукивание колёс на стыках рельсов, похожее на биение гигантского механического сердца, успокаивало Аню. Но только не в этот раз. Ближе к Москве громыхание поезда стало просто-таки невыносимым, оно давило на уши, как давит холодная морская вода на барабанные перепонки ныряльщика. Всё, что оставалось Ане, – ворочаться на верхней полке, сминая простыни, и бессильно скрежетать зубами. Лязгающий, трясущийся и вибрирующий поезд представлялся ей гигантской стальной змеей, которая питалась человечиною. На первое у этой твари были мужики в растянутых трениках, на второе – тётки с баулами и сопливыми детьми, а на закуску – одна юная биатлонистка-неудачница.

Аня всё ждала, когда виски перестанут пульсировать, и реальность, словно расколотая на части, соберётся воедино, но с приходом сумерек стало только хуже. Казалось, Тесла-фонари на потолке, дававшие неверный желтоватый свет, что-то делали с плацкартным вагоном. Изменяли его, превращали в обрывок горячечного сновидения, несущийся по рельсам.

– Шах, – донеслось снизу.

– Ладно, шах так шах... закрываюсь офицером.

Аня слушала это весь день. Соседи снизу либо играли в

шахматы, либо ели, причём неспешно и со вкусом. Аромат жареной курицы, свежего лука и варёной картошки с укропом поднимался вверх и висел под потолком, делая неподвижный воздух совершенно непригодным для дыхания. От запаха провизии девушку тошнило, как и от мысли о нетронутой пачке печенья, что лежала в её рюкзаке вместе с пригоршней ирисок. Последний раз она ела ещё в Тюмени, но тошнило её не из-за пирожка, купленного на вокзале. Аппетит Аня Фурманова потеряла из-за неудачи на спартакиаде. Как спортсменке, претендующей на участие в Олимпиаде, ей приходилось держать режим и считать калории. Но как заниматься этим, когда вид и запах еды вызывает рвотный рефлекс? Аня хорошо знала эти симптомы – головную боль, пульсацию в висках, тошноту. Она в очередной раз приближалась к пропасти, из которой веяло холодом и... безумием. Чёртова спартакиада в Тюмени грозила закончиться очередной потерей контроля. ОНО просыпалось.

Из конца вагона донёсся ровный механический голос:
– Москва через тридцать минут.

В газетах писали, рабочий человек совершил две великие революции – сначала Октябрьскую, потом Техническую. И обе одинаково сильно изменили мир. Роботов становилось всё больше, и люди уже начали привыкать к ним, воспринимать носителей ИИ как что-то само собой разумеющееся. В поездах дальнего следования обязанности проводников-истопников выполняли роботы – техническое новшество, ко-

торому едва исполнилось полгода. А вот начальника поезда и машиниста они заменить не могли. До поры до времени, разумеется.

Услышав слегка дребезжащий, лишённый человеческих интонаций голос, Аня спрыгнула со своей полки. Прежде чем проводник – невысокого роста робот, одетый в серую униформу железнодорожника, – прошёл половину вагона, она уже успела надеть спортивную куртку и закинуть за спину рюкзак. Подтянув лямки, девушка достала с багажной полки кожаный футляр с винтовкой и брезентовый чехол, в котором хранились лыжи. Аня хотела поскорее очутиться на свежем воздухе. Пусть это не могло ускорить прибытие поезда, она всё равно торопилась и зацепила футляром шахматную доску. Фигуры качнулись, но устояли.

– Извините, – пробормотала Аня.

– Ого, Михалыч! – произнёс один из шахматистов. – С нами тут, оказывается, снайпер ехал. А мы и не знали!

– Это спортивная винтовка, – сказала девушка, забрасывая футляр за плечо.

– Лыжи, винтовка... Соревнования военных патрулей, да?

Аня бросила взгляд на мужчину. Печально поникшие усы и весёлые, смеющиеся глаза плохо уживались на его лице – казалось, кто-то ради шутки взял фотографии двух непохожих людей, разрезал их по горизонтали, а потом склеил.

– Да. Биатлон.

– И как прошло? – шахматист подмигнул. – Золото в кар-

мане?

– Бронза, – нехотя выдавила Аня и начала продвигаться к тамбуру.

– Ну, бронзу тоже заслужить надо, – слышалось за спиной. – А на Олимпиаду собираешься?

Длинный чехол с лыжами задевал кого-то, цеплялся за чемоданы других пассажиров, но Аня почти не замечала этого.

– Эй, гражданочка, а поосторожнее можно?

Молодая биатлонистка даже не оглянулась. Робот мелкими шагами семенил по проходу, повторяя «Москва через двадцать восемь минут». Протискиваясь мимо него, Аня увидела на стальной голове шильдик «Сибирьвагонстроймаш». За окнами поезда то и дело мелькали яркие электрические огни, и один такой отразился в начищенной до блеска пластине. Полоснувший по глазам отблеск вызвал очередную вспышку головной боли. Аня пулей вылетела из салона и остановилась у закрытой металлической двери, ведущей в тамбур. Застеленные казённым бельём койки остались позади; справа находились туалет и каморка проводников, слева – зашторенное окно. Стены и потолок по-прежнему давили на неё, в воздухе висел душный запах мазута, но всё же Ане стало немного легче. Не снимая рюкзак, она привалилась к простенку между дверьми и тяжело оперлась на лыжи.

Спрашивая про Олимпиаду, шахматист, сам того не подозревая, надавил на болевую точку. Аня Фурманова готовилась к зимним Олимпийским играм уже три года. Когда

она решила, что должна любой ценой попасть в Норвегию и взять золото, ей было шестнадцать лет. Месяц назад Ане исполнилось восемнадцать, и все эти годы она тренировалась как одержимая. Выступить за сборную и принести стране золото – об этом мечтал каждый советский спортсмен. Спортивные обозреватели прямым текстом говорили, что Олимпийские игры – это ещё одно поле боя, ни больше ни меньше. Раз в четыре года воюющие страны заключали перемирие, чтобы одержать над врагом победу иного рода – моральную. Но, сказать по правде, Аня стремилась на игры не только из чувства патриотизма или естественного желания доказать, что советские спортсмены сильнее американских. Она хотела, чтобы мать увидела её фотографии в газетах, прочитала, что биатлонистка Анна Фурманова принесла стране золото. Это не смогло бы изменить того, что случилось восемь лет назад. Ошибку, которую она совершила, не компенсировать золотой медалью, ни одной, ни десятком. Но Аня убедила себя, что, став олимпийской чемпионкой, каким-то волшебным образом заслужит прощение. К тому же вера в это помогала держать в узде ОНО.

ОНО просыпалось, когда Аня была деморализована, огорчена, выбита из колеи. Даже излишек свободного времени мог таить в себе опасность. Спортивный режим, график тренировок, физические нагрузки шли на пользу. Ситуации, как на спартакиаде в Тюмени, – во вред.

Аня стояла в простенке и усталым, слегка расфокусиро-

ванным взглядом смотрела на зашторенное окно. За ним слева направо проносились яркие электрические огни. Белые занавески покачивались вместе с вагоном и мерцали, как парус, плотную ткань которого трепал морской ветер и кромсал прожектор маяка. Или скорее как простыня – та самая, из детства, взятая из антресоли и растянутая на стене гостиной. Аня помнила, как на пропахшей стиральным порошком и таблетками от моли простыне оживали кадры очередного диафильма. Совсем как на экране в кинотеатре. В коробке из-под отцовской обуви лежало множество круглых жестяных коробочек с плёнками. Там имелись диафильмы про полярников, про пограничников, про Революцию и про Ленина. Но больше всего Аня и Вера Фурмановы любили диафильмы со сказками – «Гуси-лебеди», «Колобок», «Репка», «Маша и Медведь»...

За окном полыхнул яркий фонарь, и занавеска сделалась ослепительно-белой. В этот момент сознание Ани расщепилось надвое, как бревно, в которое вошло сверкающее лезвие топора. Одна часть вместила в себя всё, что составляло суть Анны Фурмановой, восемнадцатилетней комсомолки и биатлонистки, которая собиралась на Олимпиаду в Норвегии, годами успешно скрывая от окружающих своё сумасшествие. У другой части не имелось ни имени, ни пола, ни естественных для человека желаний или потребностей. Оно с холодным спокойствием ящерицы наблюдало за второй личностью, которой хотелось кричать и кататься по полу

от ужаса. Которую стремительно засасывала белизна шторы. Любой пассажир, направлявшийся из тамбура в салон, увидел бы в предбаннике высокую красивую девушку в спортивной куртке с надписью «Олимпийский резерв». Девушку с тяжёлой тёмной косой, упрямыми чертами лица и тонкими бескровными губами, которая сосредоточенно (возможно, *слишком* сосредоточенно) смотрела на зашторенное окно. И не догадался бы, что сейчас её голова вмещала два разума, схожих не более чем разумы человека и насекомого. Впрочем, Аня Фурманова уже уходила в тень. Место у руля готовилось занять её кошмарное альтер-эго.

– Аня, давай «Репку»! Или «Колобка»!

Голос младшей сестры разом вытеснил протяжный шелест стальных колёс по рельсам и лязг вагонных сцепок.

– Ну А-ань!

– Некогда мне с тобой возиться, – раздражённо отмахнулась Аня Фурманова, ученица шестого класса и спортивная гордость школы. – Мне надо уроки делать.

– Ты не делаешь уроки, ты журнал читаешь, – обиженно надулась Вера.

Это была чистая правда. Аня раздобыла в школьной библиотеке свежий выпуск «Советского спорта» и теперь читала статью про соревнования военных патрулей, из которых, оказывается, вырос целый спорт – биатлон.

Ещё в младших классах Аня твёрдо решила связать свою жизнь со спортом. Вот только одна проблема – не знала,

с каким именно. Ей одинаково нравилась лёгкая атлетика, гребля, стрельба из лука, метание копья... За три года Аня сменила несколько секций. Когда она променяла баскетбол на стрельбу из лука, её школьная учительница по физкультуре огорчённо покачала головой и сказала:

– Фурманова, ты способная девочка, у тебя есть потенциал. Но о чём ты вообще думаешь? Тебе надо определиться со спортивной дисциплиной прямо сейчас, иначе упуститшь время.

– Но я хочу понять, что мне нравится больше! Да и вообще, зачем торопиться, если можно попробовать и то и другое?

– Затем! – отрезала учительница. – Например, для спортивной гимнастики ты уже слишком старая!

– Ольга Ильинична, мне всего десять! – отмахнулась Аня.

– А в гимнастику берут с шести лет, и даже раньше! Карьера профессионального гимнаста заканчивается лет в двадцать, к твоему сведению!

Ане было всё равно, ведь гимнастика её не интересовала. Однако слова учительницы слегка напугали девочку, а ещё заставили задуматься. Аня мечтала стать профессиональной спортсменкой и не хотела однажды услышать от тренера, что упустила время. Поэтому она и читала «Советский спорт». Листая страницы, взглядываясь в чёрно-белые зернистые фотографии мастеров спорта и чемпионов, она словно ждала знака свыше. Её заинтересовала статья

про биатлон. Он совмещал в себе то, что Ане нравилось, – бег (причём на лыжах) и стрельбу.

– Поиграй со мной! – ноющим голоском протянула Вера. – Мне скууучно!

Вере недавно исполнилось пять, и Аня дожидаться не могла, когда та, наконец, пойдёт в первый класс. Тогда сёстры Фурмановы будут заниматься в разные смены – младшая в первую, а старшая во вторую – и видеться только вечером, за ужином. В начале февраля садик, в который ходила Вера, закрыли на карантин. Поскольку родители не могли оставить работу, Ане приходилось приглядывать за младшей сестрой, а иногда даже таскать её с собой на тренировки. Вера отвлекала, требовала внимания, и Аня не могла дожидаться, когда же это наконец закончится. И каждый раз недобрым словом вспоминала кишечную инфекцию, из-за которой закрыли садик.

– Хорошо, чего ты от меня хочешь? – спросила Аня, откладывая журнал.

– Давай посмотрим сказку! Или несколько!

Фильмоскоп хранился в шкафу вместе с коробкой, забитой диафильмами. Обычно простыню на стену крепил отец, а ручку перемотки крутила мама, и она же вслух читала текст внизу слайдов. Однако включать проектор без родителей не запрещалось.

– Ладно, только чтобы ты отстала, – проворчала Аня, поднимаясь с дивана.

Подготовка заняла минут десять. Аня сняла со стены две картины – портрет Ленина и «Трёх богатырей» – и на освободившиеся гвозди повесила простыню. После водрузила на табуретку фильмоскоп, отрегулировав его наклон при помощи ножек-винтов.

– Выключай свет! – скомандовала девочка, втыкая штепсель в розетку.

На простыню легло яркое световое пятно, а Вера побежала к выключателю.

В то время, когда на улицах всё чаще встречались шагающие по своим делам роботы, а небо над Москвой бороздили гигантские дирижабли, фильмоскоп мог показаться чем-то очень уж простым и незатейливым. Просто фонарь в металлическом корпусе, оборудованный линзой и парой ручек, чтобы крутить плёнку. И всё равно Ане мерещилось в этом какое-то волшебство – свет в комнате гаснет, и на белой поверхности возникают картинки. Неподвижные (диафильмы и слайды – это вам не кино!), они каким-то непостижимым образом оживали в голове у Ани. И, хотя она никогда не обсуждала это с младшей сестрой, всё же не сомневалась, что Вера ощущала то же самое.

На пол упали две диванные подушки, справа и слева от табуретки.

– Что будем смотреть?

Вера уже копалась в коробке из-под обуви.

– Вот эту! – она протянула Ане жестяную капсулу с

диафильмом. На каждой имелась фабричная наклейка с названием, но Вера пока что с трудом читала. Все её любимые диафильмы были помечены соответствующим рисунком. С того, что она протянула сестре, смотрел нарисованный жёлтым фломастером Колобок – круглая рожица с широкой улыбкой и глазами-точками.

– Только ты читай, что там написано, – строгим тоном произнесла Вера. – С выражением, как мама!

– Может, тебе ещё станцевать и на пианино сбавать? – проворчала девочка, заправляя плёнку в лоток проектора.

Аня притворялась, что происходящее ей ни капельки не интересно и что включая «Колобка» она делает сестре одолжение. Однако это было не совсем так. Аня знала, что слайды со сказками – это для малышей, но зрелище по-прежнему завораживало её. А ещё она понимала, что скоро станет старше и это развлечение начнёт казаться ей совсем простым и скучным. Так происходило всегда и со всеми – сегодня ты стоишь с высунутым языком и пытаешься поймать летящую снежинку, а сделав то же самое завтра, вдруг начинаешь осознавать, что ведёшь себя глупо и по-детски. Где-то в глубине души Ане делалось грустно от этой мысли, и, включая фильмоскоп, она пыталась поймать в его луче последние отблески ускользающего волшебства.

– Жили-были старик со старухой... – начала Аня.

– Просит старик: «Испеки, старуха, колобок!» – подхва-

тила Вера, разумеется, знавшая сказку наизусть.

После «Колобка» была «Маша и Медведь», а за ней – «Золотая Антилопа». Когда жадный раджа получил по заслугам, Аня потянула за плёнку, доставая её из фильмоскопа. Та сама собой свернулась в тугой рулончик.

– Всё, хорошего понемножку!

– Ну ещё одну! Ну Ааань! – принялась канючить Вера.

– Нет! Мне ещё уроки делать!

– Опять свой журнал читать будешь, знаю я тебя!.. Давай про волшебного снеговика, и я отстану!

– Это новогодняя сказка, а сейчас конец февраля, – отрезала Аня. – Если нужен снеговик, сделай его сама, не маленькая уже! А меня оставь в покое.

Аня выдернула шнур из розетки, вернула проектор и коробку с фильмами в шкаф, а картины – на стену. Вера, явно не понимавшая и не ценившая хорошее отношение, сидела на полу, насупившись и обхватив руками колени. Убрав простыню в антресоль, Аня ушла в свою комнату. Она сидела за письменным столом, погрузившись в статью про биатлон, когда ощутила затылком холодный воздух.

Аня посмотрела на часы с кукушкой, висевшие над кроватью. До прихода родителей оставалось ещё около получаса. Мама, работавшая парикмахером, обычно возвращалась домой раньше отца, сварщика по профессии. Но Аня не слышала, чтобы щёлкнул замок и открылась входная дверь. Холодные пальцы сквозняка продолжали гладить затылок,

и девочка поднялась из-за стола. Пытаясь понять, откуда дует, она заглянула в прихожую (входная дверь и вправду закрыта), а после – в гостиную. Окно было распахнуто, ледяной ветер трепал лёгкие тюлевые занавески и слегка приподнимал плотные шторы. На широком деревянном подоконнике возвышался небольшой сугроб, который не мог появиться там из-за ветра.

– Вера? – позвала Аня. На полу были разбросаны кубики, лежали куклы и резиновые пупсы, но младшая сестра куда-то запропастилась. – Вера, если ты спряталась, выходи немедленно. Это не смешно!

В квартире царила тишина. Выждав немного, Аня двинулась через комнату, навстречу танцующим тюлевым призракам. Чугунная батарея под окном пыхала жаром, и сугроб на подоконнике быстро таял. На дубовый паркет капало. Чувствуя нарастающий испуг, Аня подошла к окну, приподнялась на цыпочках и глянула вниз. Квартира Фурмановых находилась на шестом этаже. Далеко внизу, на снегу, лежала Вера, похожая на изломанную куклу.

Некоторое время Аня просто смотрела вниз, и в её голове было пусто, как в баллоне дирижабля. А первая же мысль, заполнившая эту звенящую пустоту, придавила девочку, подобно бетонной плите: «Это я сказала ей сделать снеговика».

Аня словно наяву увидела, как всё произошло. За окном имелся небольшой металлический откос, и Вера собрала с

него весь снег, до которого смогла дотянуться. Этого ей показалось мало, она потянулась дальше и выпала из окна.

Внизу начали собираться люди, кто-то закричал. Спустя несколько минут приехала машина, милицейский локомотив, осветивший двор проблесковыми маячками – жутковатой мешаниной красных и синих всполохов, которые металась по квадратному колодцу двора, подобно обезумевшим птицам. Аня продолжала стоять у окна, не замечая ледяного сквозняка, делавшего лицо нечувствительным и словно чужим. А потом чьи-то руки схватили её за плечи и резко развернули. Это была мама, и её лицо под меховой шапкой пугающе перекосилось.

– Что ты натворила?! Что ты натворила?!!

Мать, никогда пальцем не трогавшая дочерей, продолжала бить Аню и после того, как та рухнула на паркет.

«Она собирается меня убить, – осознала девочка, когда носок сапога в очередной раз вонзился ей в рёбра. – Ну и правильно, я заслужила».

Отец возник в гостиной за секунды до того, как Аня потеряла сознание. Прежде чем он сумел оттащить вопящую женщину от дочери, та успела нанести ещё несколько ударов.

Проходя мимо ОНО, робот в очередной раз произнёс: «Прибытие через минуту». В его окулярах отразилась девушка с рюкзаком, винтовкой в чехле и лыжами, застывшая без движения.

Не удостоив робота вниманием, ОНО продолжало смотреть на занавеску. Ткань колыхалась, меняя цвет в зависимости от освещения снаружи. Состав мчался по столице, и электрических огней вокруг становилось всё больше. Со стороны могло показаться, что ОНО глубоко задумалось или вовсе уснуло с открытыми глазами. На самом деле его мозг работал эффективнее, чем когда у руля стояла Аня Фурманова. Будь нервы, соединявшие органы чувств с мозгом, медными проводами, они бы наверняка искрились и трещали от напряжения. ОНО ощущало мир острее, чем кто-либо в этом вагоне, а не шевелилось по единственной причине – потому что не видело в этом необходимости. Мышцы время от времени отдыхали, мозг – никогда.

В предбанник ввалилась тётка с двумя большими сумками. Сама по себе эта пассажирка была немаленькой, а растёгнутая меховая шуба, слишком жаркая для Москвы, но не для Тюмени, делала её ещё крупнее.

– Гражданочка, ну, вы собираетесь проходить или как? – недовольным тоном произнесла тётка.

ОНО медленно повернуло голову, посмотрев на пассажирку ничего не выражающим взглядом. Вызывающая мина тут же начала сползать с её лица, как жидкая овсяная каша с черпака. ОНО знало, что его взгляд приводил людей в замешательство, но не знало почему. Аня Фурманова пользовалась той же парой глаз, но от неё никто не шарахался, как от раздувшей капюшон кобры.

– Поезд прибывает, – проговорила тётка, не дождавшись ответа. Она продолжала раздражённо морщить подбородок, но тон стал чуть менее нахальным. – Надо бы к выходу продвигаться...

– Конечно, – ОНО приподняло уголки губ, изобразив улыбку.

Существо, внешне выглядевшее как человек, знало, что от людей не следует ждать многого. Суетливые и поверхностные, ведомые эмоциями, они во всём уступали машинам, которыми себя же окружили. Люди смотрели, но не видели. Слышали, но не вслушивались. ОНО быстрее думало, быстрее принимало решения, хоть и не являлось машиной по своей природе. И всё же люди могли представлять опасность. Безымянная сущность, делившая тело с Аней Фурмановой, успешно притворялась человеком, мимикрировала, как насекомое. Благодаря этой маскировке ОНО могло безнаказанно заниматься тем единственным, что вызывало у него интерес.

Состав слегка дёрнулся, издал протяжный скрип и, нако-

нец, остановился. Между Тюменью, где уже трещали морозы, и Москвой истопник выключил отопление. И, хотя чугунные паровые радиаторы давно остыли, вагон продолжал держать тепло, подобно термосу. Когда проводник разблокировал и распахнул дверь, пассажиров обдало прохладным ночным воздухом. Порыв сквозняка, в котором ощущался запах мазута, дыма и разогретого металла, наверняка принёс бы Ане Фурмановой облегчение. Но Аня крепко спала и знать не знала, что творится вокруг. Робот установил металлическую лесенку и первым спустился на перрон, вслед за ним спустилось ОНО.

Витые стрелки часов на стене вокзала – каждая метра по три в длину – показывали половину одиннадцатого. В этот час небо над столицей цветом не отличалось от каменного угля, которым тысячи кочегаров кормили тысячи прожорливых печей, пылавших по всему городу. Из-за коптящих небо труб жители Москвы никогда не видели звёзд. Но, как известно, советскому человеку хватало тех, что пылали на башнях Кремля.

Пружинящей, лёгкой походкой ОНО двинулось вдоль почерневшего от копоти состава, над которым тянулся маслянисто-чёрный шлейф дыма. Вагоны и сам паровоз заметно отличались от тех, что мчали по железным дорогам страны ещё пять-шесть лет назад. А первый паровоз, который Черепановы¹ запустили ещё при царе, смотрелся бы рядом с

¹ Изобретатели, в 1833–1834 годах построившие первый отечественный паро-

этим стальным чудовищем как шпирь рядом с доберманом. Колёса в человеческий рост, многометровые поршни, толстые рессоры, паровые трубы, опутавшие гигантский паровой котёл, подобно вздувшимся венам. Тупое, в заклёпках, рыло паровоза украшала стальная звезда, над которой горел Тесла-прожектор.

Машины становились всё больше, всё сильнее, и, глядя на них, некоторые люди (особенно из тех, что цеплялись за прошлое) ощущали себя маленькими и слабыми. Но только не ОНО. Существо, оставившее позади перрон и теперь пересекавшее Павелецкий вокзал, хотело бы стать машиной. К сожалению, обстоятельства вынудили его делить «жил-площадь» с человеком. Когда у руля вставало бесполое и безымянное *нечто*, тело, изначально принадлежавшее только Ане, становилось сильнее и выносливее. Ведь им управлял холодный разум, лишённый эмоций. Но механическое тело всё равно было бы лучше. Размышляя об этом, ОНО испытывало едва уловимую досаду, хотя любое сожаление тоже относилось к сфере человеческих эмоций.

Первое здание Павелецкого вокзала начало работу в тысяча девятисотом году. Новое, по которому шагало ОНО, возвели уже после революции, на месте снесённого старого. И это было поистине циклопическое сооружение. Потолки здесь возносились не на десять-пятнадцать метров, а

воз. Не братья, как многие думают, а отец и сын, Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович (*прим. автора*).

на добрую сотню. Каменные своды, под которыми пылали Тесла-фонари, опирались на массивные стальные колонны и балки. На стенах красовались барельефы, живописующие штурм Зимнего дворца, трудовые будни рабочих, крестьян и учёных. А в центре главного вестибюля стоял «Механический вождь», попирая постамент металлическими ботинками. На бетонном основании крепилась медная пластина с надписью:

С «Механическим вождём»
нам буржуи нипочём!
Всех врагов с пути сметём
с «Механическим вождём»!

«Мехвожди», по сути, являлись самоходными боевыми машинами на базе искусственного интеллекта. Оставалось лишь догадываться, кому пришла идея придать им сходство с вождём мирового пролетариата. Сейчас «Мехвождей» не только отправляли на фронт, но и ставили на каждой второй городской площади, по всему Союзу, – этакая альтернатива бронзовому Ленину. В газетах писали, это мера предосторожности на случай внезапной вражеской атаки. Случись что, полностью автономные «Вожди» могли вмиг покинуть свои постаменты и вступить в бой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.